

Десять черных теней опустились во двор, и когда раздался звон оружия, Гу Чжису наклонился, засучил рукава, взял настойку, зажег свечу, налил жидкость в фарфоровую тарелку и, подогрев её над пламенем, окунул палец и сильно нажал на колено человека, который сидел на кровати и с улыбкой смотрел на него.

Синь Юаньань не ожидал такого удара, его лицо на мгновение исказилось, но он быстро пришел в себя, лег на кровать Гу Чжису и позволил тому приложить силу, улыбаясь и закрыв глаза.

Боль в колене постепенно утихла. Человек сидел рядом, его теплое дыхание было так близко, его силуэт освещался солнечным светом, но очертания его становились всё четче во тьме.

Яожун.

В темных извилистых коридорах дворца шаги постепенно приближались, черный халат с вышитым золотом четырехлапым драконом бесшумно скользил по каменным плитам.

Две резные двери медленно открылись, обнажив широкую кровать с занавесками и тень, свернувшуюся за ними.

Он неподвижно стоял перед занавесками, пристально глядя на эту тень.

В его сердце мгновенно вспыхнуло пламя, но в глубине его была ледяная холодность.

Когда он поднял руку и резко отдернул занавеску, перед ним открылся поток золотых стрел, падающих с неба, дворец превратился в пепел, а в ушах раздались крики.

— Князь, прошу вас, отмените приказ!

— Князь!

— Император уже издал указ, запрещающий вам возвращаться в Минду, почему вы... — Вы должны охранять Минду, и если что-то случится, поднимите знамя и восстаньте против Ци, став независимым правителем.

Он сидел на лошади, крепко держа поводья, все перед ним было размыто, только тень за занавеской в этот момент казалась такой реальной.

— Даже если я умру, я не смогу оставить его одного.

Пламя, поднимающееся к небу, скрыло всё, кровь капала с его пальцев, перед глазами была тьма, он ничего не мог видеть, только чувствовал тепло, и на его губах появилась улыбка, он прошептал:

— ...В этом году я не смогу... пойти с тобой... посмотреть на груши...

Гу Чжису встал, передал настойку Цинхуань, вымыл руки в медном тазу и, услышав, как человек на кровати тихо бормочет, не разобрав слов Синь Юаньаня, вытер руки полотенцем, вернулся к кровати и, легонько вздохнув, провел пальцем по его виску.

— Чанъань... Чанъань?

Когда он произнес эти слова, он увидел, что Синь Юаньань крепко закрыл глаза, его лицо постепенно побледнело, на лбу выступил холодный пот, и стало ясно, что его мучил кошмар. Гу

Чжису легонько покачал его, но не стал будить, и когда он уже собирался снова заговорить, за ширмой раздался голос Ху Цинь-эр:

— Господин, пришли люди из «Юэ Хуэй».

Гу Чжису, услышав это, нахмурился и медленно прошел за ширму.

— Как с теми смертоносцами снаружи?

Ху Цинь-эр, увидев его, поспешно поклонилась:

— Давным-давно убраны.

Гу Чжису кивнул и спросил далее:

— А Гу Хайтан?

— Старшая госпожа уже выбралась за пределы поместья и уехала в карете Великого князя Бао.

— Отлично. — Услышав, что дело с Гу Хайтан улажено, он тихо выдохнул и сквозь матовую ширму посмотрел на спящего человека на кровати. — Что там у «Юэ Хуэй», какие новости?

Ху Цинь-эр, сама будучи человеком «Юэ Хуэй», часто имела с ними дело. Она понизила голос и подошла ближе к Гу Чжису:

— Сказано, что...

Перед глазами все еще была тьма, наполненная кровью и пламенем, пока неясный голос не стал четким в ушах — Чанъань.

Темно-синие глаза резко открылись, бесцельно обведя вокруг, и остановились на человеке, сидящем рядом, который с заботой наклонился и теплым дыханием произнес:

— Иди отдыхай... Не спи здесь.

— Я в порядке...

Синь Юаньань долго смотрел на него, прежде чем окончательно пришел в себя после кошмара. Он потянулся рукой к затылку, который все еще болел, и спросил хрипло:

— Что случилось?

— Не ожидал, что ты уснешь именно так. — Гу Чжису, видя его утомленное лицо и все еще виднеющиеся синяки под глазами, вспомнил слова Ху Цинь-эр и нахмурился. — Только что приходили люди из «Юэ Хуэй». Сказали, что твой отец-император прислал тебе лекарство. Люди «Юэ Хуэй», переодевшись под тебя, приняли его, а затем еще торопили тебя вернуться.

— Лекарство? — Синь Юаньань, слыша это, немного прояснился в своей дремоте, и на губах его появилась насмешливая улыбка. — И какое хорошее лекарство он может пожаловать?

Гу Чжису, видя, как тот, говоря это, встает и снова накидывает плащ, заметил ледяной холод в его глазах.

Он тихо вздохнул, взял его за руку и мягко произнес:

— Береги себя во дворце.

Синь Юаньань перехватил его запястье, поцеловал в межбровье, и наконец на его тонких губах появилась мягкая улыбка:

— Ты тоже.

Когда ужин закончился, ночь уже опустилась.

Гу Чжису положил путевые заметки на стол, немного переписал «Наньхуа-цзин», положил кисть, вымыл руки в медном тазу, вытер их и спросил Ляньчжу, стоящую рядом:

— Как идет допрос смертоносцев?

Ляньчжу тихо ответила:

— Господин, сейчас они все в темнице под Павильоном Идэ.

Гу Чжису немного подумал и направился к выходу:

— Передай Цюнхуа, пусть кто-нибудь переоденется в меня и сегодня ночью отправится в Павильон Идэ.

Ляньчжу, видя, что он выходит, поспешно пошла следом:

— Слушаюсь, господин.

Луна была в зените, царила полная тишина.

В тайной тюрьме слышался звук капель воды, шаги медленно приближались к двери, черный плащ скользил по сапогам, сильный запах крови разливался в воздухе.

Хань Юй стоял у двери тюрьмы, увидев приближающуюся фигуру, поспешно поклонился и тихо доложил:

— Господин, они ничего не говорят и ничего не делают.

Человек в капюшоне беззвучно улыбнулся, снял капюшон, обнажив красивое лицо, словно из нефрита. Голос его был очень медленным и низким, в нем сквозила легкая улыбка, но половина лица была скрыта во тьме, от чего по спине пробежал холод:

— Неужели?

Не успел он договорить, как подошел вплотную к решетке, ткнул пальцем в черное железо и посмотрел на множество людей в черном, у которых были пробиты лопатки, а рты заткнуты кляпами. Они смотрели на него с ненавистью и крайней осторожностью. Он потерел пальцами и тихо вздохнул:

— Вижу, у вас крепкие зубы и вы очень преданы. Ну и хорошо.

Гу Чжису отступил в сторону и жестом приказал:

— Принесите бумагу и кисть.

Хань Юй не осмелился медлить, быстро ушел с Ляньчжу и вскоре принес бумагу и кисть, осторожно разложив их на черном деревянном столе у двери тюрьмы. Они стояли рядом, наблюдая, как Гу Чжису задумался, опустил голову и начал писать. Содержание было таким, какого они никогда не видели и не слышали — методы пыток, от которых у них мурашки по коже.

Когда Гу Чжису наконец опустил кисть, Хань Юй не смог сдержаться и спросил:

— Господин, что это?

— Раньше я знал одну наложницу, которая долгое время просидела в Холодном дворце. Она прошла через множество страданий и уже давно была не той, что раньше. — Гу Чжису пристально смотрел на листы бумаги, затем очнулся, положил кисть на подставку, выпрямился и тихо произнес. — Некоторые из этих методов пыток она испытала на себе, о некоторых слышала. Все это жестокие тайные наказания дворца. Не недооценивайте их.

Хань Юй, услышав про наложницу из Холодного дворца, немного опешил. Он не понимал, как Гу Чжису, будучи сыном наложницы из знатного рода, мог знать кого-то оттуда. Но, приняв тетрадь из рук Гу Чжису, он не задал лишних вопросов, а лишь почтительно и тихо ответил:

— Слушаюсь, господин.

Гу Чжису указал на листы бумаги. Перед глазами снова возникла та пустынная булыжная аллея перед Холодным дворцом. В его черных глазах закружился глубокий водоворот, на губах появилась едва заметная улыбка:

— Это тебе. Пользуйся с умом.

<http://bllate.org/book/16652/1526431>